

На правах рукописи

Колышева Ольга Николаевна

**КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ
«ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА»
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
(на материале солдатских писем,
дневников и нарративов «детей войны»)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

**АВТОРЕФЕРАТ
ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК**

МОСКВА 2020

Работа выполнена на кафедре общего и русского языкознания филологического факультета ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Научный руководитель:

Чулкина Нина Леонидовна

доктор филологических наук (10.02.01),
доцент, профессор кафедры общего и
русского языкознания филологического
факультета ФГАОУ ВО «Российский
университет дружбы народов»

Официальные оппоненты:

Красных Виктория Владимировна

доктор филологических наук (10.02.19),
доцент, профессор кафедры общей теории
словесности ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет им. М.В.
Ломоносова»

Тивьяева Ирина Владимировна

доктор филологических наук (10.02.19),
доцент, профессор кафедры языкознания и
переводоведения Института иностранных
языков ГАОУ ВО «Московский городской
педагогический университет»

Ведущая организация:

Отдел экспериментальной лексикографии
ФГБУН «Институт русского языка им. В.В.
Виноградова РАН»

Защита состоится 30 октября 2020 г. в 13-00 часов на заседании диссертационного совета ПДС 0500.001 при ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корпус 2 «А», ауд. 728.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-информационном центре (Научной библиотеке) Российского университета дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Объявление о защите и автореферат размещены на сайтах: <http://vak2.ed.gov.ru/> и <http://dissovet.rudn.ru>.

Автореферат разослан « » _____ 2020 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета ПДС 0500.001
кандидат филологических наук, доцент

С.Г. Коровина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Антропоцентрическая парадигма современных гуманитарных исследований предполагает обращение к человеку как носителю языка и культуры и обнаруживает интерес к личной, персональной истории, через которую преломляется история страны, народа и его культуры.

Междисциплинарный характер исследования определен тенденцией объединения языка, сознания и памяти в единую информационно-когнитивную систему знаний и заключается в тесном взаимодействии лингвистических исследовательских методов с методами таких гуманитарных дисциплин, как психолингвистика, когнитивистика, социология.

Актуальность исследования обусловлена следующими факторами:

- пристальным вниманием современной гуманитарной науки к вопросам языкового сознания рядового носителя культуры;
- сложностью, важностью и многогранностью концепта ВОВ в истории России и русской языковой картине мира;
- интересом к личной истории и признанием её частью истории всеобщей как со стороны науки, так и со стороны обычных людей (движение «Бессмертный полк», проект «Мемориал», создание Музея войны в Москве и т.п.);
- неразработанностью методологии по исследованию мнемонических текстов, в частности дневников, нарративов «детей войны» и солдатских писем;
- лакуарностью междисциплинарных исследований мнемонических текстов, а также перенасыщенностью терминологического аппарата и, как следствие, отсутствием унификации этого аппарата.

Объектом диссертационного исследования является концептуальное поле ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА (далее ВОВ) как часть языковой картины мира рядового носителя русской культуры, **предметом** исследования – языковая манифестация концептуального поля ВОВ на материале мнемонических текстов, созданных рядовыми носителями русской культуры.

Научная новизна исследования заключается, во-первых, в том, что концептуальное поле ВОВ становится объектом комплексного изучения и анализа на новом материале – мнемонических текстах. Во-вторых, в современной русистике впервые предпринята попытка рассмотрения концептуального поля ВОВ с точки зрения частной истории.

Цель диссертационной работы заключается в реконструкции и репрезентации фрагмента русской языковой картины мира на базе концептуального поля ВОВ с помощью мнемонических текстов, созданных языковой личностью, а именно солдатских писем, дневников и нарративов «детей войны».

Цель исследования обуславливает необходимость решения следующих задач:

- исследовать специфику концептуального поля ВОВ и определить его место в наивной языковой картине мира обычного носителя лингвокультуры;
- описать особенности материала исследования: дневников и нарративов «детей войны» и солдатских писем;
- уточнить следующие понятия: *концептуальная картина мира, языковая картина мира, концептуальное поле, языковая личность, мнемонический текст*;
- предложить методы исследования и алгоритм анализа для каждого вида текстов в связи с их структурно-семантической неоднородностью;
- представить различия между фронтовыми письмами солдат-участников войны, находившихся в гуще военных событий, дневниками «детей войны» и нарративами «детей войны», то есть тех, кто в то далекое время не мог отразить смысл этих событий, но сегодня, спустя много лет, пытается восстановить их в памяти и переосмыслить, в частности, с точки зрения влияния и значимости этих событий в двух измерениях: тогда и сегодня.

Теоретико-методологической основой диссертационного исследования послужили работы известных отечественных и зарубежных лингвистов, в частности, в области: когнитивной лингвистики (Ю.Н. Караулов, А.А. Кибрик, Е.С. Кубрякова, М.В. Пименова, Е.В. Рахилина, Ю.С. Степанов и др.); психолингвистики (Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, В.В. Красных, Н.Л. Чулкина и др.); концептологии (Ю.С. Степанов, С.Г. Воркачев, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.И. Карасик, В.П. Синячкин и др.); лингвокультурологии (В.В. Воробьев, В.И. Карасик, В.А. Маслова, В.М. Шаклеин и др.); нарратологии (В. Шмид, У. Лабов, Е.В. Падучева, С.Г. Кузьмина, К.К. Рисман и др.); исследования мнемических текстов (И.В. Тивьяева, Л.М. Ньюбина, В.В. Нуркова и др.); ассоциативной лингвистики (Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Н.Л. Чулкина и др.).

Материалом исследования послужили три вида мнемических текстов: солдатские письма с фронта, дневники «детей войны» и нарративы «детей войны» (письменные и устные тексты).

Методы исследования. Для достижения указанной цели и решения поставленных задач потребовалось применение как общенаучных и общелингвистических методов – сравнения, классификации данных и их описания, метода компонентного анализа, метода сплошной выборки, – так и психолингвистических: метода текстового ассоциативного поля (ТАП), метода когнитивной интерпретации текстовых ассоциативных полей и их структурных единиц – семантических гештальтов, фреймово-сценарного метода, а также метода реконструкции языковой личности.

Исследовательская гипотеза диссертации состоит в том, что концептуальное поле ВОВ является одной из ключевых составляющих русского языкового сознания и русской наивной языковой картины мира и его исследование на мнемических текстах, полученных от рядовых носителей

русской культуры, в разном возрасте оказавшихся причастными к важнейшему событию русской истории – Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., – позволит расширить смысловые границы данного концептуального поля как фрагмента русской языковой картины мира.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что в работе впервые были апробированы различные методы исследования, позволившие из разных типов текстов реконструировать фрагмент русской языковой картины мира, связанный с Великой Отечественной войной 1941-1945 гг.

Практическая ценность исследования состоит в том, что, в нем реконструирован и представлен важнейший период истории России, свидетелями и участниками которого были обычные люди – взрослые и дети. Это не история «сверху» и постфактум, а история, рассказанная ее очевидцами и участниками, и в этом заключается ее культурологическая ценность. Результаты проведенного исследования могут быть также использованы в образовательном процессе – в преподавании ряда научных лингвистических дисциплин (когнитивной лингвистики, психолингвистики, семантики), а также в преподавании гуманитарных дисциплин (истории, культурологии, социологии, психологии).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Великая Отечественная война является важнейшим событием русской истории, затронувшим жизни простых людей. Благодаря анализу мнемонических текстов, созданных «обычными» людьми, становятся возможными реконструкция и репрезентация концептуального поля ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА как значительной части наивной языковой картины мира рядового носителя русской культуры, что позволяет по-новому взглянуть на феномен Великой Отечественной войны с позиции настоящего времени.

2. Для реконструкции концептуального поля ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА в обыденном языковом сознании необходим адекватный материал, полученный от рядового носителя русской лингвокультуры – свидетеля или непосредственного участника событий Великой Отечественной войны. Таким материалом в диссертации являются дневники и нарративы «детей войны» и солдатские письма с фронта.

3. Метод текстового ассоциативного поля, используемый в исследовании, позволяет представить текст дневников «детей войны» как совокупность ассоциативных полей с выделением семантических гештальтов и их последующей интерпретацией. Такой анализ делает доступными для наблюдения скрытые при линейном чтении от самого автора и читателя смыслы и позволяет проследить их реализацию на всем протяжении выбранного текста.

4. Нарративы «детей войны» представляют собой оязыковленные воспоминания, отсроченные от временного ряда описываемых событий. Такие нарративы обладают двойной природой: социальной, отражающей сюжетные

характеристики воспоминания, и личной, содержащей переживания нарратора, мысли о войне, языковые свидетельства того, как война отразилась в памяти. Кроме того, в нарративах «детей войны» вербализуются когнитивные процессы памяти: хранение информации, ее восстановление, утрата и отсутствие.

5. Формирование лексикона рядового носителя русского языка и культуры происходило под влиянием советской пропаганды в СМИ того времени, используемой для создания негативного образа врага и противопоставляемого ему светлого образа советского человека с целью поднятия патриотического духа, что нашло отражение в частотном характере идеологем в текстах дневников «детей войны» и в солдатских письмах.

6. Реконструкция мотивационно-прагматического уровня языковой личности солдата Великой Отечественной войны на материале писем с фронта с привлечением материалов газет военного времени, изобилующих идеологемами, позволяет обнаружить различие в восприятии этих пропагандистски окрашенных языковых единиц молодыми людьми, находившимися в гуще военных событий, и современными носителями русской лингвокультуры, смотрящих на эти события ретроспективно. У авторов солдатских писем практически отсутствует критическая интерпретация транслируемых советской пропагандой идеологем.

Степень достоверности результатов проведённой работы подтверждается привлечением большого объема современной российской и зарубежной научно-исследовательской литературы по теме диссертации, а также всесторонним анализом достаточно репрезентативного материала исследования (3 дневника и 56 нарративов «детей войны», 850 солдатских писем), проведенным с применением синтеза научно-исследовательских методов.

Апробация работы проходила на научно-исследовательских семинарах кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН (выступление с докладами 22 марта 2017 г., 22 ноября 2017 г.); на всероссийских и международных научно-практических конференциях: Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Языки. Народы. Культуры» (Москва, 2017 г., 2018 г.), Международная научная конференция «Его величество язык её величества России» (Орёл, 26–28 октября 2017 г.), III Всероссийский молодежный научный форум «Наука будущего – наука молодых», организованный Министерством образования и науки РФ (Нижний Новгород, 12–14 сентября 2017 г.), Международная конференция «Маргиналии – 2020: границы культуры и текста» (Поленово, 22–24 февраля 2020 г.), XI Международная научная конференция «Славянский мир: духовные традиции и словесность», посвященная 75-летию окончания Второй мировой войны (Тамбов, 21-23 мая 2020 г.); также участие в конкурсах: Аспирантура полного дня (2017–2018 гг.), III Международный конкурс UNIVERSITY KNOWLEDGE – 2018 (диплом за I место в номинации «Общекультурные компетенции», 2018 г.), диплом I степени за лучшую

выпускную квалификационную работу РУДН («Концепт «война» в языковой картине мира солдата», 2016 г.), а также при проведении предварительной защиты диссертации на заседании кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов (20 февраля 2020 г.).

По теме диссертации опубликовано 11 научных работ, в том числе 3 – в рецензируемых научных изданиях ВАК Министерства образования и науки РФ, 1 – в зарубежном рецензируемом издании, индексируемом в МБД Web of Science, 1 – в журнале, индексируемом в МБД Scopus.

Структура и объем диссертационного исследования обусловлены поставленной целью, гипотезой и задачами. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованной литературы. Общий объем диссертационного исследования составляет 215 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются выбор темы и ее актуальность; определяются объект, предмет, цель и задачи, материал исследования; излагаются методы его описания; определяются теоретико-методологическая база исследования, его научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность; формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Методология исследования концептуального поля ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: основные понятия и термины»** осуществляются теоретические подходы к теме диссертационного исследования, вводятся основные понятия, необходимые для дальнейшего анализа языкового материала, а именно: рассматривается соотношение понятий *концептуальная картина мира* и *языковая картина мира*; описываются особенности понятия *концептуальное поле* и его соотношение с такими понятиями, как *семантическое поле*, *концептосфера*, *концепт*; рассматривается структура языковой личности; описывается подход к изучению автобиографической памяти как феномена языка; вводится понятие *мнемонический текст* и дается характеристика его основных черт; описывается методология анализа материала исследования.

Концептуальное поле представляет собой совокупность накопленного опыта человека и его знаний об окружающем мире. Единицами концептуальной картины мира являются константы сознания – когнитивные категории. Концептуальная картина мира глобальна и объемна, поэтому «далеко не все концепты имеют языковое выражение и становятся предметом коммуникации»¹, оязыковлению поддаются только те когнитивные категории – концепты – которые являются наиболее значимыми и важными в

¹ Попова, З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Изд. 4-е, стер. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. – С. 6.

определенном национально-культурном контексте. Так, концепт «война» представлен в русском языке достаточно широко и имеет большое значение для носителя русского языка и русской культуры наряду с такими концептами, как «любовь», «конфликт», «родина», «быт», «красота», «тоска»².

Сегодня единственным способом анализа концептуальной картины мира представляется ее рассмотрение с помощью языкового материала, то есть через рассмотрение языковой картины мира, являющейся частью концептуальной картины мира. Языковая картина мира – это целостный образ мира, отраженный в языке, «взятое в своей совокупности все концептуальное содержание данного языка и составляет картину мира»³. Языковая картина мира является представленной совокупностью накопленного опыта человека и его знаний об окружающем его мире.

Концептуальное поле – это сложное ментальное образование, включающее разнородные структурно-семантические компоненты, выделение которых позволяет описать лингвокультурное сознание рядового носителя языка и его отношение к доминантному событию, в данном конкретном случае – к Великой Отечественной войне. Концептуальное поле ВОВ является неотъемлемым компонентом русской наивной языковой картины мира, которая отражает представления рядового носителя языка об окружающем его мире. Так, например, в состав концептуального поля ВОВ входит одноименный концепт. Концептуальное поле в данном случае – это совокупность средств вербального выражения смыслообразующего концепта ВОВ. В диссертационном исследовании приводится хроника становления и формирования концепта ВОВ в русской культуре, излагается история самого названия «Великая Отечественная война» на материале газет, публичных выступлений политиков, а также исторических документов.

На материале дневников «детей войны» данный концепт был проиллюстрирован в виде взаимосвязанных и взаимопересекающихся текстовых ассоциативных полей (ЕДА, РАБОТА, ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ) с выделением внутри них семантических гештальтов. На материале нарративов «детей войны» концепт ВОВ был представлен фреймом НАЧАЛО ВОЙНЫ с именованнием трех сюжетных слотов (МЕСТО, ВРЕМЯ, СИТУАЦИЯ), а также слотов, содержащих интерпретацию событий нарратором: ЭМОЦИИ, ОЦЕНКА, РЕФЛЕКСИЯ, ОПИСАНИЕ ВОЙНЫ, ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ.

Системные отношения между элементами концептуального поля складываются на основании семантического признака. Так, к примеру, текстовое ассоциативное поле ЕДА включает в себя следующие семантические гештальты, объединенные общим значением: *хлеб, карточки, очередь, количество, отсутствие еды, состояние/эмоции из-за нехватки еды/ее отсутствия, действия, связанные с едой*. А внутри слота ОПИСАНИЕ

² Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие / В.А. Маслова. – Мн.: ТетраСистемс, 2008. – 256 с.

³ Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 368 с.

ВОЙНЫ, полученного из фрейма НАЧАЛО ВОЙНЫ на материале нарративов «детей войны», были выделены следующие подслоты: *предчувствие/ожидание войны, война как неожиданность, война как тяжелое явление; быстрое окончание войны/вера в победу, неверие в войну/неосознавание войны, восприятие войны как игры.*

Концептуальное поле системно организовано и представляет собой обособленный фрагмент русской языковой картины мира. Предложенные в данном исследовании семантические и когнитивные категории образуют внутри концептуального поля единое концептуальное пространство, отражающее представления простых людей о событиях Великой Отечественной войны, а совокупность составляющих данное поле элементов «отражает этническую шкалу ценностей, действующие культурные коды»⁴. Описание таких когнитивных структур в изолированном режиме представляется невозможным. К примеру, анализ солдатских писем в отрыве от языка прессы не может дать полное представление о лексиконе солдат и активном функционировании в нем идеологем, как и анализ только газетных статей не может дать понимание о прагматической результативности выбранной государственной и информационной политики.

Еще одним базовым понятием, необходимым для проведения исследования, является понятие *языковая личность*. Под **языковой личностью** понимается «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (то есть картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире»⁵. Структура языковой личности представлена тремя уровнями, на каждом из которых выражаются различные коммуникативно-деятельностные потребности языковой личности: 1) вербально-семантический уровень служит для выражения контактоустанавливающей коммуникативно-деятельностной потребности автора; 2) когнитивный – для выражения информационной коммуникативно-деятельностной потребности автора; 3) мотивационно-прагматический – для выражения воздейственной коммуникативно-деятельностной потребности автора.

В нашем исследовании центральное место отводится языковой личности «обычного» носителя русского языка, а именно человека, не обладающего специальными знаниями о языке или не являющегося представителем определенной социальной группы. Тексты, анализируемые в данной работе, очень разные по содержанию, структуре, объему, уровню грамотности и способам выражения мысли. Эти тексты и стоящие за ними языковые личности являются носителями наивной картины мира. Такая картина мира, воплощающая мировоззрение носителей данной культуры и их взгляд на

⁴ Добровольская, Е.В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Добровольская Елена Валерьевна. – Москва, 2005. – 320 с.

⁵ Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 3-е, стереотипн. / Ю.Н. Караулов. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 264 с.

историю, складывается в голове рядового носителя языка как реакция на войну и военные действия.

Диссертационное исследование концептуального поля ВОВ проводится на материале текстов, содержащих воспоминания о войне: дневников и нарративов «детей войны» и солдатских писем с фронта. Такие тексты являются примерами фиксации, реализации и интерпретации автобиографических воспоминаний в виде устного рассказа или текста. Саму проблему взаимодействия памяти и языка обычно рассматривают в рамках когнитивных исследований. Язык в таком случае – это средство доступа к когнитивным процессам, а память – это когнитивный процесс. Проблема изучения таких результатов работы автобиографической памяти находится на стыке нескольких гуманитарных наук: психологии личности, психолингвистики, культурологии, истории, социологии. Неоднородность такого рода текстов не позволяет создать их классификацию или уложить их в рамки существующих классификаций. Л.М. Ньюбина называет такие тексты **мнемоническими**. Мнемонический текст (μνημονικόν – искусство запоминания) представляет собой речевое произведение, построенное автором на ментальной реконструкции своего прошлого⁶.

Конституентными чертами мнемонических текстов, рассматриваемых в данном исследовании, являются следующие их особенности:

- фрагментарность воспоминания и, соответственно, текста;
- внутреннее цензурирование воспоминания, или внутренний отбор информации языковой личностью;
- тематическая неоднородность воспоминания;
- повторное проживание в момент наррации некогда пережитого опыта;
- наличие хронотопа в повествовании;
- темпоральная отсроченность воспоминания, находящая выражение в оязыковлении следующих мнемонических ситуаций: ситуации хранения информации, ситуации утраты информации, ситуации отсутствия информации, ситуации восстановления информации.

Главная особенность нашего исследования заключается в том, что концептуальное поле ВОВ исследуется с позиции истории «снизу», или истории обычного человека, пережившего войну. Несмотря на неоднородность мнемонических текстов, служащих материалом исследования, все эти тексты связаны общей темой и являются примером личной истории, но эта история является частью истории народа, а значит, является частью русской национальной языковой картины мира.

Во второй главе **«Личная история как материал исследования русской языковой картины мира»** на материале мнемонических текстов – дневников и нарративов «детей войны» – реконструируется фрагмент русской

⁶ Ньюбина, Л.М. Поэтика и прагматика мнемонического повествования: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04 / Ньюбина Лариса Михайловна. – СПб., 2000. – 519 с.

языковой картины мира свидетеля событий, связанных с Великой Отечественной войной.

Дневники и нарративы «детей войны» являются мнемоническими текстами, хранящими воспоминания о военном времени. В основу разграничения этих двух типов текстов был положен временной параметр: дневники «детей войны» являются мгновенной реакцией на пережитые события, а нарративы «детей войны» – это отсроченные от временного ряда описываемых событий воспоминания. Структурно-семантическая специфика рассматриваемых текстов предполагает использование разных методов для их анализа: метода текстового ассоциативного поля для анализа дневников и фреймово-сценарного метода применительно к анализу нарративов.

Метод текстового ассоциативного поля, разработанный Ю.Н. Карауловым, позволил вскрыть повторяющиеся семантические смыслообразующие закономерности в организации дневников и увидеть механизм функционирования языковой способности, так как за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка⁷. Этот результат был достигнут благодаря реконструкции текстовых ассоциативных полей (ТАП) и их ассоциативных структур – семантических гештальтов. Метод был опробован сначала на выбранном тематическом фрагменте из дневника Ани Арацкой⁸, описывающей жизнь на линии фронта во время боев в Сталинграде с 30 августа 1942 по 3 апреля 1943 года, а затем – на полном тексте дневника Юры Рябинкина⁹, 15-летнего мальчика, который вел дневник в блокадном Ленинграде в течение полугода, с 22 июня по 6 января 1942 года.

В процессе реконструкции ТАП В ОКОПЕ были сформированы и описаны следующие семантические гештальты: ВРЕМЯ, ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ, ОКОП, ПАПА, СМЕРТЬ, ДНЕВНИК, ВЕРА, ДОРОГА. В каждом семантическом гештальте были выделены и прокомментированы семантические зоны. Этот вид представления материала позволил увидеть скрытые от читателя и автора при линейном чтении смыслы и проследить их реализацию на всем протяжении выбранного фрагмента текста. Подробный комментарий нескольких семантических гештальтов позволяет увидеть темы, которые лейтмотивом проходят через весь дневник.

Так, в реконструированном семантическом гештальте ОКОП возможно выделение следующих семантических зон: *I. Окоп как убежище и спасение. II. Окоп как дом. III. Окоп как место смерти близких людей. IV. Окоп как место, не приспособленное для жизни.* С одной стороны, окоп предстает убежищем, в котором можно спрятаться от боевых действий (*вот уже целая неделя с того момента, как сидим в окопе; опять сидим в окопе, и не знаю, когда придет конец всему; брала [дневник] с собой даже в окоп; сидела крайняя в окопе*), и даже домом (*проводил нас всех спать в окоп; что-то делал*

⁷ Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 3-е, стереотипн. / Ю.Н. Караулов. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 27.

⁸ Детская книга войны. Дневники 1941-1945. – М.: Аргументы и факты, АИФ. Доброе сердце. 2015. – 484 с.

⁹ Там же.

сверху по устройству нашего окопа; пишу на ступеньке закрытого окопа на коленях). С другой стороны, окоп – это место смерти близких людей (увидели опустившуюся к нам в окоп руку, с пальцев которой в окоп лилась алая кровь; Папа стал медленно оседать на ступеньки окопа; помогли вытащить труп Папы из окопа; рядом с окопом было много убитых бойцов), ненавистное место без воздуха (все еще не вылазили из этого «проклятого» окопа; вылазьте все из окопа и подышите воздухом; сидим ни живы ни мертвы), место, которое невозможно забыть (никогда не забудешь 1942 год и этот окоп).

Следующим шагом стала апробация метода текстового ассоциативного поля на более массивном текстовом материале, а именно на материале целого дневника. Это помогает нам, с одной стороны, реконструировать события, свидетелем и участником которых оказался автор дневника, а с другой стороны, представить когнитивную интерпретацию того, вокруг чего строилось его военное детство. С помощью метода текстового ассоциативного поля было составлена ассоциативно-вербальная сеть целого дневника Юры Рябинкина, с реконструкцией нескольких ТАП и их семантических гештальтов: ЕДА (хлеб, карточки, очередь, количество, отсутствие еды, состояние/эмоции из-за нехватки еды/ее отсутствия, действия, связанные с едой), РАБОТА (виды работы, условия работы, инструмент для работы, место работы), ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ (описание войны, события, вид оружия, военная техника, враг, действия, результат военных действий, эмоциональная оценка).

Так, например, сформированный в ТАП ЕДА семантический гештальт СОСТОЯНИЕ/ЭМОЦИИ ИЗ-ЗА НЕХВАТКИ/ОТСУТСТВИЯ ЕДЫ содержит несколько семантических зон: **I. Физические проявления голода.** **II. Эмоциональная реакция на нехватку еды.** **III. Еда как объект вожделения.** **IV Неадекватное поведение из-за нехватки еды.** Отсутствие еды в блокадном Ленинграде начинает влиять на эмоциональное состояние людей (тупое холодное безразличие ко всему происходящему, смотря зачерствелым сердцем на мамины слезы и горе) и на их физическое состояние (от голода скребет в животе и слюна течет; волочить ноги, опухшие щеки, кричать, стонать, рыдать, еле переставлять ноги от слабости, еле держаться на ногах, пухнуть, изнемогать от недоедания). Вокруг еды строятся мысли и желания (мысли о еде, видеть во сне еду), еда становится смыслом жизни (весь мир заменился для меня едой). Люди начинают буквально воевать за еду (рукопашная схватка в магазине, гнусные, грязные сцены с дележкой, умолять на коленях не отнимать карточку, валяться на полу). Постепенно нехватка еды становится постоянной, тем, к чему нужно привыкнуть: Мне уже мама начинает говорить, что надо привыкнуть к мысли, что если накормят человека днем тарелкой супа, то и будь доволен. А если мне к этой мысли не привыкнуть?.. Юра сравнивает голод с военными действиями, но голод оказывается страшнее: Я привык к обстрелу, привык к бомбежке, но к этому я не могу привыкнуть – не могу! Уже в декабре голод становится для Юры

невыносимым (*жестокый голод, жуткая голодовка, страшный голод, есть кота, подбирать пальцем по столу хлебные крошки, влачить жизнь в голоде*), в дневнике все чаще начинают появляться мысли о смерти (*толкать на самоубийство, дорога к смерти, голодная смерть, процесс медленного умирания, чудовищные объятия смертельного голода, скатиться к голодной смерти, влачить жизнь в голоде, слабый, голодающий, измученный человек*). Через много лет, в «Блокадной книге» Д. Гранина и А. Адамовича¹⁰ будет опубликован дневник Юры Рябинкина, где будет рассказана дальнейшая судьба его семьи. 6 января 1942 года Юра сделал последнюю запись в дневнике, 8 января его мама и младшая сестра уехали в эвакуацию, Юра уже не мог ходить и остался в Ленинграде.

Метод ТАП с последующей когнитивной интерпретацией семантических гештальтов с привлечением культурологических источников позволяет описать переживания мальчика, его мысли, важные для него события, с одной стороны, и картину блокадного Ленинграда – с другой.

Для работы с нарративами «детей войны», являющимися отсроченной во времени реакцией на события Великой Отечественной войны, был применен фреймово-сценарный метод, позволивший продемонстрировать разные способы языковой репрезентации когнитивных процессов памяти и систематизировать разные по структуре, семантике, объему и форме нарративы.

Так, построение фрейма НАЧАЛО ВОЙНЫ на материале 20 сценариев, выделенных с помощью метода семантического отбора информации из нарративов, доказало наше предположение о двойной природе нарратива: социальной, отражающей сюжетные характеристики воспоминания, и личной, содержащей переживания нарратора, его мысли о войне, то, как начало войны отразилось в памяти. В структуре фрейма НАЧАЛО ВОЙНЫ было выделено три сюжетных слота (МЕСТО, ВРЕМЯ, СИТУАЦИЯ), повторяющиеся в большинстве нарративов, а также слоты, содержащие интерпретацию событий нарратором: ЭМОЦИИ, ОЦЕНКА, РЕФЛЕКСИЯ, ОПИСАНИЕ ВОЙНЫ, ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ. Была продемонстрирована методика дальнейшей работы со слотами на примере слота ОПИСАНИЕ ВОЙНЫ с выделением следующих подслотов: *предчувствие/ожидание войны, война как неожиданность, война как тяжелое явление, быстрое окончание войны/вера в победу, неверие в войну/неосознавание войны, восприятие войны как игры*.

Применение фреймово-сценарного метода позволило выделить универсальные способы как организации нарративов, так и языкового выражения отсроченного воспоминания на примере четырех видов мнемической ситуации: хранения, восстановления, утраты и отсутствия информации в памяти нарратора. Так, например, ситуация хранения информации является наиболее «прозрачной» и активно выражается лексическими единицами с семой «помнить» в значении: *Там у причала стоял*

¹⁰ Адамович, А. Блокадная книга / А. Адамович, Д.А. Гранин. – М.: Советский писатель», 1979. – 298 с.

белый теплоход, двухъярусный, ой, двухпалубный и назывался он «Лев Толстой», **до сих пор помню**. Также факт наличия информации в памяти подтверждается использованием оценочных наречий: **Я хорошо помню первый день войны**. Ситуация утраты информации также активно выражена лексически. В роли утраченной информации могут выступать события, имена людей, названия географических мест, подробности событий: *И.: Как вы узнали, что война началась? И когда? Н.: Так чтобы точно, я не помню. Но я вот так, наверное, осознала, когда отца уже не было, он где-то воевал.* (И.: – интервьюер, Н.: – нарратор.) В рамках одного тематического фрагмента или в ответе на конкретный вопрос интервьюера могут одновременно разворачиваться несколько видов мнемических ситуаций, как, например, ситуация хранения информации и ситуация ее утраты: **Одну [женщину] я особенно запомнила. Почему-то мама ее знала и мама ее отвозила, когда ее выписали, мама отвозила ее к родственникам, не помню куда. Звали ее Мира, было ей лет 29, может быть.** Также в рамках нарратива может разворачиваться мнемическая ситуация восстановления нарратором информации из памяти, выраженная лексемами со значением предположения: *Карточки, по-моему, с 12 лет, дети уже получали иждивенческую карточку. Значит, были карточки рабочие, были карточки детские и иждивенческие. Я сейчас точно не помню, сколько полагалось хлеба на рабочую карточку, но, мне кажется, в два раза больше, чем на иждивенческую <...>.*

Применение метода текстового ассоциативного поля помогло продемонстрировать скрытые семантические смыслы в каждом рассмотренном тексте, в то время как применение фреймово-сценарного метода позволило выделить универсальные способы языковой репрезентации воспоминаний. Оба метода представляются нам эффективными с исследовательской точки зрения при реконструкции фрагмента наивной языковой картины мира.

В третьей главе «**Языковая личность солдата на материале солдатских писем**» был реконструирован фрагмент языковой картины мира свидетеля военных действий. Для работы с солдатскими письмами было применено несколько методов. Метод сплошной выборки, а также аналитико-описательный метод позволили найти и проанализировать примеры из писем и газетных статей, а метод реконструкции языковой личности солдата позволил выявить основные структурно-семантические особенности солдатских писем, а также описать лексикон солдат, в котором активно функционируют идеологемы из языка прессы и выступлений политических деятелей того времени.

В основу методологии было положено учение Ю.Н. Караулова¹¹ о трехуровневой модели языковой личности с опорой на коммуникативно-деятельностные потребности автора письма, а именно

¹¹ Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 3-е, стереотипн. / Ю.Н. Караулов. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 264 с.

контактоустанавливающую, информационную (включающую получение и передачу информации) и воздействующую.

Письма являются мгновенной реакцией солдата на пережитые события, и это позволяет провести параллели с дневниками «детей войны», которые также содержат мгновенную реакцию детей на военные события. Однако в отличие от дневниковых записей, солдатские письма имеют адресата, что позволяет говорить о диалогичном характере письма и стремлении автора оказать влияние на адресата. Так, солдатские письма интересны нам как раз с точки зрения свидетельства времени и передачи личной информации в рамках эпистолярного жанра, когда структура и содержание письма, с одной стороны, диктуются рамками жанра, а с другой стороны, должны укладываться в рамки того патриотического настроения, который царит в обществе во время войны. Существование такого патриотического настроения стало возможным благодаря активной пропаганде, реализуемой в речи официальных представителей государства и в языке прессы. Лексикон рядового носителя русского языка того времени формировался под влиянием языка газет, наполненного советскими *идеологемами*. Для демонстрации такой лексической преемственности был привлечен анализ лексических единиц из главных газет периода Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): «Известия», «Красная звезда», «Правда» и «Знамя».

При анализе контактоустанавливающей коммуникативно-деятельностной потребности автора, заключающейся в установлении контакта между автором и адресатом с целью последующей передачи информации, были выделены следующие неотъемлемые составляющие солдатских писем как текстов, относящихся к эпистолярному жанру: *самопредставление автора* с выделением эксплицированного (*Пишет вам всем супруг Павел*) и неэксплицированного автора (*Досвидание. жду ответа, адрес старый*¹²), *обращения к адресату письма* с выделением моноадресата (*Милая Вера!*) и полиадресата (*Любимые мои!*), выражения родственных отношений к адресату (*Добрый день, милая мама*) и обращения к адресату только по имени (*Добрый день, Леня!*), а также *оптативные высказывания* с выделением собственно желаний (*Надеюсь, что это последний год войны*), желаний, сопряженных с побуждением (*Прошу маму не плакать и не горевать*), желаний автора, связанных с будущим (*Не беспокойся, мы ещё увидимся и жить будем*), а также формулы пожеланий автора письма к адресату (*Будь спокойна и мужественна*).

При рассмотрении информационной коммуникативно-деятельностной потребности автора были выделены и описаны следующие смыслообразующие лексико-семантические группы: СЕМЬЯ, ПИСЬМО, РАБОТА, БЫТ для описания получения информации и ВОЙНА, ЗДОРОВЬЕ, БЫТ, ПРОСЬБЫ для описания передачи информации от автора к адресату.

Так, например, в лексико-семантической группе СЕМЬЯ зафиксированы повторяющиеся просьбы к адресату о написании ответа (*Пишите – получить*

¹² Орфография и пунктуация авторов письма сохранена. – Прим. автора

от вас письмо для меня большая радость.), просьбы о подтверждении получения писем адресатом (*Клавдя, получила ли ты мои последние письма, которые я послал тебе перед тем, как уйти из Подольска, и которые посылал в пути?*), вопросы о причинах отсутствия писем (*Я за все время не получил ни от кого ни одного письма.*), вопросы о причинах отсутствия запрашиваемой информации в письмах (*Почему ты мне не сообщила адрес брата, где он и что с ним.*).

Информационная коммуникативно-деятельностная потребность связана также с побуждением автора письма к передаче информации адресату. Авторы писем стремятся передать информацию о войне, а также свое отношение к ней. И если, к примеру, отношение к врагу у автора письма всегда исключительно негативное, то отношение к войне может быть разным. В одних письмах война предстает игрой, в которой вынуждены участвовать солдаты: *Лиза, в своем письме ты особо подчеркиваешь, что ты осталась такой же, какой была около 3 лет назад. Именно такую я желал бы встретить тебя после окончания **всей этой игры**.* В других письмах война – это мясорубка: *Да, эта проклятая война весь народ вот уж 3-й год мучает, и черт ее знает, **когда же кончится эта мясорубка**, до такой степени все надоело, опротивело, что просто трудно выразиться.* Война однозначно оказывается не тем, чем ее представляли солдаты: *Как эта война не похожа на войны из учебников.* В письмах представлен образ войны, с одной стороны, как страха и смерти, а с другой – как стремления к усилению любви к родным: *Я видел смерть – страшную смерть, всеистребляющую – и чем ближе она была около меня, тем сильнее горела в моем сердце любовь.* Война – это ежедневные трудности и лишения: *ничего пока не поделаешь, война, **придется**, видно, **терпеть**; война **нелегкая**, враг коварный, потребуются и кровь, и жертвы; на войне рассчитывать на жизнь очень трудно; спешу поздравить тебя с великой радостью – окончательной победой над врагом и концом этой **ужасной** войны; война, действительно, серьезная; **о многих ужасах** расскажут потом очевидцы.* Часто в письмах солдаты стремятся описать последствия боевых действий: *За время следования до фронта пришлось увидеть ряд сел и деревень, от которых остался лишь только пепел.* Солдаты надеются на скорое окончание войны: *все горим одним желанием, поскорее окончить эту **проклятую** войну; все, и мы, и вы ждем конца этой **проклятой** всем человечеством войны; война не весь год продлится, наверно, скоро кончим; кончится скоро-скоро, скорее и быть нельзя.*

Солдатские письма наполнены впечатлениями от боевых действий, однако точной информации о военных операциях в письмах нет. Солдаты стараются не использовать названия мест: *находимся в одной из союзных республик – Э.* Также были зафиксированы многочисленные случаи, когда письма подвергались цензуре и в них были вырезаны названия мест и населенных пунктов: 1. *Надо было гадов выбить из крепких укреплений, подход к ним – река...* *¹³ 2. *Привет из *! <...> * был очень красивый городок,*

¹³ Здесь и далее звездочкой помечены места, удаленные цензурой. – Прим. автора

но сейчас от него не осталось ни одного целого каменного дома. 3. А если не пожалеешь своего труда, пиши, если я погибну под Кенигсбергом в Восточной Пруссии, я *». (после этого отрезано 2 строки). Солдаты осознают, что письма проверяются цензурой, поэтому заранее предупреждают адресата о проверке писем: *Имей в виду, что военная цензура проверяет письма. Не пиши ничего такого, что мог бы враг использовать.* Однако, словно компенсируя отсутствие точной информации о своем местоположении, солдаты подробно стараются описать боевые действия на линии фронта: *находился не в тылу и резерве, а в ударной группе на огневых позициях – в самом «крошечном аду»; участвовал в прорыве блокады Ленинграда.* Война представляется солдатам работой, которую нужно выполнять: *за последнее время нам крепко пришлось поработать своим оружием; работаю помощником командира взвода; живу и работаю по-старому; нахожусь, Лара, на фронте и работаю себе; движемся на запад и работы очень много; Километров 100 отойдем, поработаем дня два-три и дальше; перевели работать в штаб; работать для народа и служить народу – это благороднейшее дело; духом не падаю, себе работаю, хожу, езжу – помогаю раненым и все.*

Анализ воздействующей коммуникативно-деятельностной потребности автора было решено провести на материале лексико-семантической группы ВРАГ, содержащей лексические единицы, называющие врага и описывающие его действия. Даже сами письма часто были написаны на бланках, содержащих воздействующие лозунги военно-патриотической тематики: «Смерть немецким оккупантам!» Практически в каждом письме автор использует лексические единицы, называющие противника и содержащие представления автора о враге и его действиях. Образ врага носит исключительно негативный характер, в письмах описываются захватнические действия противника, действия советской армии, направленные на победу над врагом, подтверждается превосходство врага или, наоборот, его слабость.

Так, например, идеологема ***драться до последней капли крови***, описывающая настроение солдат по отношению к врагу, также является примером преемственности лексикона из языка пропаганды. Первое обращение И.В. Сталина к народу произошло 3 июля 1941 года, и в его обращении впервые прозвучала фраза «драться до последней капли крови»: *Народы Советского Союза должны подняться на защиту своих прав, своей земли против врага. Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь Советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.* Впоследствии эта фраза прочно войдет в лексикон газет, а затем и простых людей. Уже 5 июля в газете «Красная звезда» (№156) выходит статья под заголовком «Драться до последней капли крови», вдохновленная речью И.В. Сталина. В этой статье данная идеологема встречается уже шесть раз: *Стойкий советский боец, готовый драться до последней капли крови, неприступен для врага.* Эта фраза прочно вошла в лексикон простых людей, что подтверждается в

письмах: *Обо мне не расстраивайся, я пока жив и здоров; так что прошу тебя, не расстраивайся, будем защищать свою Родину до последней капли крови, не позволим того, чтобы эти немецкие сволочи сделали нас рабами.* (5 сентября 1941 г.). Употребление данной идеологемы зафиксировано на всем протяжении войны: *Таня, по-настоящему, когда мы вступим в бой, это неизвестно, но наша задача биться до последней капли крови с тем, чтоб полностью разгромить врага и вернуться домой с победой.* (9 июля 1942 г.) *Мама, вы, наверное, [думаете] нет меня в живых, но я еще жив и буду бить врага до последней капли крови.* (5 июня 1943 г.) <...> и я не мог выдержать этого зрелища и вынужден бороться до последней капли крови, мстя беспощадно за кровь моих братьев, друзей и знакомых. (1 октября 1944 г.) Идеологема настолько прочно вошла в лексикон солдат, что трансформировалась для использования в повседневной речи: *Ну, пока, Соня, до свиданья, еще жду вашего ответа, остаюсь любящий вас до последней капли крови ваш муж.* В письмах зафиксирована трансформация данной идеологемы, где маленький мальчик просит своего отца «бить гадов, не жалея своей крови»: *Дорогой сынок Ваня, вы пишете, чтобы я бил гадов, не жалея своей крови, даже своей жизни.* (8 октября 1941 года).

Отдельную группу составляют слова – **зооморфизмы** – используемые для усиления негативного образа врага и придания ему черт животных с учетом национально-культурной специфики восприятия действительности. Одним из наиболее частотных зооморфизмов является лексическая единица **собака** и ее синонимы. Солдаты сравнивают фашистов с собаками: *уничтожайте фашистских бешеных собак; наступление на озверелых гитлеровских собак; пускай погибнут от моей руки эти собаки.* Армия врага именуется сворой: *не бывать фашистской своре собак на нашей территории; поганый клубок гитлеровской своры покатится назад.*

Также были зафиксированы множественные употребления синонимичной лексики *псы* как части лексики *псы-рыцари*. Изначально данная лексема употреблялась по отношению к рыцарям Тевтонского ордена и является неточным переводом с немецкого *Reitershunde*, что переводится как «конный сброд». Популярность лексики «псы-рыцари» объясняется ее использованием К. Марксом в рукописи «Хронологические выписки», где он описывает битву Александра Невского с тевтонскими рыцарями, произошедшую 5 апреля 1242 года. Уже 16 июля 1941 года в газете «Известия» (№166) выходит статья «Фашизм – враг славянства», посвященная пропаганде немецкого правительства, направленной против СССР: *Оказывается, не было ни Александра Невского, побившего псов-рыцарей, ни Петра Великого, ни Суворова, ни Кутузова, а был некий германский жулик, который нивесть для чего выплодил двести миллионов славян, выучил их, построил им заводы, сделал невиданную по силе индустрию, снабдил их такой авиацией и артиллерией, которая в первые три недели войны 1941 г. смогла сбить 2.300 немецких самолетов и уничтожить миллион «расовополноценного» немецкого войска!* Далее 29 июля 1941 года в «Красной звезде» выходит статья

И. Эренбурга с заголовком «Рыцари с отмычкой», посвященная действиям немецкой армии во Франции, где были использована такая характеристика их действий: *рыцари-воры, рыцари-взломщики, рыцари-хулиганы, рыцари-растлители малолетних – вот гитлеровская армия.*

В годовщину битвы на Чудском озере в газетах «Красная звезда» и «Известия» в 1942 году выходят статьи, связывающие те события с событиями Великой Отечественной войны и содержащие множественные использования данной лексемы: 1. *Немецкие псы-рыцари и их фашистские потомки (К 700-летию со дня Ледового побоища)* (заголовок) 2. *Это и есть пресловутый «новый порядок» германского фашизма. В действительности это грабительский «порядок» псов-рыцарей.* 3. *Недалеко от Чудского озера окружена 16-я германская армия: она уже вспоминает конец истории псов-рыцарей.*

Эта же идеологема многократно встречается и в письмах с фронта: 1. *Эти коварные потомки псов-рыцарей так же будут разбиты, как и их предки.* (24 июня 1941 года). 2. *<...> гитлеровские мерзавцы получают по заслугам так же, как их предки "псы-рыцари".* (ноябрь 1941 года). 3. *Я, кажется, ничего не писал тебе о своих наблюдениях, двигаясь к фронту по территории, освобожденной от немецких «псов-рыцарей» 20 века.* (9 марта 1942 года). В солдатских письмах встречаются и отсылки к личности Александра Невского: *Тут мне вспомнилась одна историческая деталь: когда Александр Невский внимательно всматривался в синюющую даль, в которой шли огромные полчища немецких рыцарей, он, приложив руку к козырьку своего шлема, подумав, сказал: «Ничего, сдюжаем!» Так и нам: трудно, но сдюжаем.* (без точной даты, 1941 год).

В рассмотренной лексико-семантической группе ВРАГ были продемонстрированы преемственность и функционирование идеологем в лексиконе солдат с опорой на примеры из газетных статей военного времени.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования и намечаются его перспективы. Великая Отечественная война – это важнейшее событие в истории России, затронувшее жизнь каждого человека. Еще Ю.М. Лотман замечал, что о войне писать трудно, равносильно попытке описать огромное пространство, «у которого нет четких границ и нет внутреннего единства»¹⁴. В данном исследовании была предпринята попытка описания такого огромного пространства на материале мнемонических текстов, созданных рядовыми носителями наивной языковой картины мира: дневников и нарративов «детей войны», солдатских писем с фронта. Для достижения цели исследования – реконструкции и репрезентации фрагмента языковой картины мира на базе концептуального поля ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА – была предложена методология работы с мнемоническими текстами о войне с учетом их структурно-семантической неоднородности. Применение метода ТАП позволило продемонстрировать повторяющиеся скрытые при линейном чтении семантические смыслообразующие закономерности в организации

¹⁴ Лотман, Ю.М. Воспитание души / Ю.М. Лотман. – СПб., 2003. – М., 1995. – С. 8-51.

дневников «детей войны». Использование фреймово-сценарного метода для работы с нарративами «детей войны» подтвердило предположение о двойной природе нарратива: социальной, отражающей сюжетные характеристики воспоминания, и личной, содержащей переживания нарратора. В результате работы с фронтовыми письмами с использованием метода реконструкции языковой личности солдата с опорой на коммуникативно-деятельностные потребности автора письма были выделены основные структурно-семантические доминантные особенности солдатских писем, а также описан лексикон солдат, в котором отражена преемственность идеологием из языка прессы и политических деятелей того времени.

В связи с устойчивым интересом современных гуманитарных исследований к простому человеку как носителю культуры, персонального опыта и личной истории, в которых отражается культурно-исторический контекст страны, **перспектива** настоящего исследования видится в расширении концептуального поля ВОВ посредством расширения материала исследования, а именно в дальнейшем анализе дневников «детей войны», объединенных локально-темпоральными характеристиками: дневников военного Сталинграда, блокадного Ленинграда и дневников оstarбайтеров для реконструкции языковой картины мира носителей русской культуры, оказавшихся в схожих социальных условиях. Перспективу можно видеть и в рассмотрении данного поля не только с точки зрения текстов, созданных свидетелями военного времени, но и с точки зрения отношения к Великой Отечественной войне современных людей разных поколений.

Список использованной литературы содержит 264 источника.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

По теме диссертационного исследования автором опубликованы следующие работы:

а) в индексируемой международной базе Scopus:

1. **Колышева О.Н.**, Чулкина Н.Л. «Два потока реки военного времени»: темпоральная структура нарратива о войне // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020. – № 1. – С. 122–129. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2020-1-122-129>.

б) в индексируемой международной базе Web of Science:

2. **Kolysheva O.N.** Concept, Frame, Script: Experience with Oral History on the Material of Narratives of ‘War Children’ // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.04.233>.

в) в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ:

3. Чулкина Н.Л., **Колышева О.Н.** Семантические особенности концепта «немец» (на материале фронтовых писем Великой Отечественной

войны») // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2016. – № 1. – С. 126–130.

4. **Колышева О.Н.** Способы выражения субъекта при формировании повествовательной точки зрения в нарративах «детей войны» // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – М.: НОПриЛ, 2018. – № 1 (21). – С. 67–74.

5. **Колышева О.Н.** Нарратив как мнемонический текст (на материале нарративов «детей войны») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2020. – Т. 11. – №2. – С. 398–411. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-398-411

г) статьи, опубликованные в иных изданиях:

6. **Колышева О.Н.** Структурно-семантические особенности концепта «война» (на материале фронтовых писем Великой Отечественной войны) // Язык и культура: сборник материалов XXIX Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2017. – С. 127–133.

7. **Колышева О.Н.** Концепт «война» в языковой картине мира солдата (на материале фронтовых писем Великой Отечественной войны) // Сборник тезисов участников форума «Наука будущего – наука молодых» – Нижний Новгород, 2017. – Том 1, С. 72–74.

8. **Колышева О.Н.** Междисциплинарный характер анализа концепта «война» на материале нарративов «детей войны» // Языки. Народы. Культуры: альманах научных статей / отв. ред. Е.С. Михеева. – Москва: РУДН, 2017. – С. 62–67.

9. **Колышева О.Н.** Фронтовое письмо как материал исследований // «Его Величество Язык Ее Величества России». Сборник трудов международной научной конференции к 200-летию со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева (1818–1883). – Орел: Издательство Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, 2018. – С. 365–367.

10. **Колышева О.Н.** Структурные особенности мнемической ситуации на материале нарративов «детей войны» // Языки. Народы. Культуры: альманах научных статей / отв. ред. Е.С. Михеева. – Москва: РУДН, 2018. – С. 22–28.

11. **Колышева О.Н.** Языковая личность солдата (на материале солдатских писем) // Сборник трудов конференции «Славянский мир: духовные традиции и словесность» (*в печати*)

Колышева Ольга Николаевна

(Россия)

**КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ
«ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА»
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

(на материале солдатских писем, дневников и нарративов «детей войны»)

Диссертационное исследование выполнено в русле междисциплинарного подхода и посвящено исследованию концептуального поля ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА на материале мнемонических текстов: солдатских писем с фронта, дневников и нарративов «детей войны». Благодаря использованию различных методов (метода текстового ассоциативного поля, фреймово-сценарного метода, метода реконструкции языковой личности) в работе реконструируется и описывается фрагмент русской наивной языковой картины мира свидетелей и участников военных действий 1941–1945 гг. В ходе такой реконструкции выделяются общие структурно-семантические черты в организации мнемонических текстов, исследуется языковление мнемических процессов, описывается формирование лексикона рядового носителя языка под влиянием советской пропаганды.

Результаты исследования являются вкладом в развитие как лингвистических дисциплин (когнитивной лингвистики, психолингвистики, семиотики, семантики), так и гуманитарных наук (истории, культурологии, социологии, психологии) в рамках исследования частной памяти, а также могут быть использованы в процессе преподавания.

Olga N. Kolysheva

(Russia)

**CONCEPTUAL FIELD «GREAT PATRIOTIC WAR»
IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD**

(on the material of soldiers' letters, diaries and narratives of "children of war" generation).

The thesis research was carried out in line with an interdisciplinary approach and is devoted to the study of the conceptual field GREAT PATRIOTIC WAR (the Eastern Front of World War II). The material of the study was the mnemonic texts of personal history: soldiers' letters from the front, diaries and narratives of "children of war" generation. The Russian language picture of the world of witnesses and participants of military operations is reconstructed and described in the work. This is made possible by using the various methods (text associative fields method, method of frame and script, method of reconstruction of a linguistic personality).

The research highlights the general structural and semantic features in the organization of mnemonic texts, mnemonic processes the formation of the lexicon of an ordinary native speaker under the influence of Soviet propaganda.

The research results contribute to the development of both linguistic disciplines (cognitive linguistics, psycholinguistics, semiotics, semantics) and humanities (history, culturology, sociology, psychology) as part of the study of personal memory, and can also be used in the teaching process.